

ОСОБЕННОСТИ ПОЛОНИЗАЦИИ НА БЕЛОРУССКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Ю.А.Борисёнок

(кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, главный редактор Российского исторического журнала «Родина»)

У статті аналізуються мемуари Олександра Шемеля з позиції їхньої достовірності як джерела характеристики особливостей полонізації на білоруському прикордонні.

The memoirs of Oleksandr Shemelya are analysed from the position of their authenticity as the source of the description of the polonization's features of the border line of Byelorussia in the article.

В начале XX в., в особенности после объявленных властями в 1905 г. послаблений в области веротерпимости, а также появления определённых признаков модернизации повседневного уклада жизни, сторонники тотальной полонизации и русификации белорусской этнической территории заметно активизировались (подробнее см.: 1). Однако до Первой мировой войны проблема так и осталась в русле жарких, но идейных споров, но никак не практической реализации жёстких и однозначных установок. С конца 1918 г., с возникновением спустя 123 года независимого польского государства, а в особенности с марта 1921 г., после подписания Рижского мира между II Речью Посполитой, РСФСР и УССР, к осуществлению подобных замыслов приступили лишь польские власти, несмотря на внешние различия между программами «национальной ассимиляции», по Р. Дмовскому, или «государственной ассимиляции», по Ю. Пилсудскому, в значительной степени транслировавшие не оправдавшие себя на практике установки национальной политики Российской империи трёх последних царствований. Советские же государственные структуры с весны 1923 г. ускоренно и результативно, в особенности в период до 1928 г., осуществляли прямо противоположный проект «коренизации», в условиях БССР получивший название «белорусизации» (конкретные примеры см.: 2; о характере и итогах «белорусизации» подробнее см.: 3, 76-82; 4, 94-101).

Практическим последствием «белорусизации» стало появление уже к концу 1930-х гг. крайне необходимого советской власти слоя молодых перспективных выдвиженцев из крестьян, получивших образование на родном языке и искренне преданных большевикам. Считается, что в межвоенной Польше аналогичную социальную группу так и не удалось сформировать. Несомненно, итог политики «государственного воспитания» во II Речи Посполитой не принёс ничего даже отдалённо похожего на возможность появления из жителей «восточных кресов» политических фигур уровня видных советских руководителей А.А. Громыко, К.Т. Мазурова, М.В. Зимянина или П.М. Машерова, но и у этого курса были свои результаты, впрочем, практически полностью перечёркнутые начавшейся Второй мировой войной. Именно об этом убедительно свидетельствуют мемуары Александра Шемеля «Воспоминания кресовяка военных лет. Верные, но забытые», увидевшие свет в Варшаве в 2004 г. в небольшом частном издательстве «Лосьграф» (5).

Перед нами чрезвычайно сложный с точки зрения достоверности источник. Если верить авторскому предисловию, этот текст написан с 1957 по 1966 годы, в нем имеются отсылки к 1968-му, но в реальности содержание существенно переработано Шемелем при участии дочери Малгожаты. Именно поэтому формулировки воспоминаний

приобрели совершенно невероятное даже в самых антисоветских сочинениях 1960-х гг. звучание, соответствуя настроениям части современных пожилых поляков, ностальгирующих по оставшимся в современных Беларуси, Украине и Литве родных местах – тех самых «восточных креслах», что так и не сумела ассимилировать и даже сколько-нибудь адекватно освоить межвоенная польская государственность. Отсюда и совершенно причудливое сочетание «правды и вымысла», свойственное этим неплохо написанным с литературной точки зрения мемуарам.

При этом как вполне достоверные места источника, так и широко представленные у Шемеля стереотипы и клише санационной и современной польской пропаганды весьма ценны для исследователей общественного сознания и позволяют скорректировать ряд принципиальных выводов недавних работ. В частности, в обстоятельной и объективной монографии В.И. Кривутя «Молодежная политика польских властей на территории Западной Беларуси» (2009) подчеркивается, что «политика «государственного воспитания» стала орудием полонизации национальных меньшинств. Фактически ставилась цель воспитать не просто достойного гражданина, а гражданина-поляка. Это привело к неудачам «государственного воспитания» на территории Западной Беларуси в отличие от непосредственно польских земель, где оно достигло значительных позитивных результатов» (6, 181). Повествование пристрастного мемуариста Шемеля при подробном анализе обнаруживает, что на фоне несомненной «неудачи» в целом по западнобелорусскому региону у молодежной политики, провозглашенной Пилсудским и детально разработанной его соратниками, министрами просвещения в последние годы его жизни С. Червиньским и Я. Енджеевичем, некоторые успехи все-таки наблюдались.

По крайней мере, выходец из бедной крестьянской семьи Александр Шемель, которому на момент исчезновения с карты Европы II Речи Посполитой было 16 лет, идеи «государственного воспитания» впитал на всю оставшуюся жизнь. Его биография на практике подтверждает вывод Кривутя о педагогических замыслах режима «санации»: «Это была вызванная жизненной необходимостью стройная и детально разработанная система. Ее положительными чертами были актуализация и связь с жизнью, воспитательный характер обучения. Она ставила перед собой цель воспитать у молодежи сильную волю, динамизм, дисциплинированность, лояльность, умение правильно оценивать реальность, способность к жертвенности и героизму» (6, 181). Кое-что из перечисленного выше у юного жителя гмины Плюсы на самом севере западнобелорусских земель межвоенные польские власти действительно сумели сформировать: дисциплинированность и лояльность точно, а заодно и смену этнической идентичности. Заметим попутно, что «умение правильно оценивать реальность» ни одна государственная политика, на наш взгляд, привить не в состоянии, и мемуары Шемеля тому яркое подтверждение. Сама же теория «государственного воспитания», как видим, имела немало общего с современной ей советской пионерско-комсомольской идеологией и была одновременно и ответом на давший реальный результат большевистский вызов, и беззастенчивым плагиатом со сталинских идейных конструкций.

Столь желанный пилсудчиками «новый человек» Шемель был, впрочем, продуктом не типичным и в чем-то тепличным, выращенным в таких условиях, где от польской власти обычному человеку и деться было некуда, даже посреди лесов и болот. Мемуарист появился на свет 24 марта 1923 г. в деревне Думаришки-6, ныне это Плюсский сельсовет Браславского района Республики Беларусь. С 1944 по 1954 г. это была территория Полоцкой обл. БССР, сознательно сконструированной сталинским руководством из территорий довоенной Советской Беларуси и части «кресов» II Речи Посполитой. Это не просто пограничная территория (не лишена смысла мысль о том, что вся Беларусь, и западная, и восточная, с конца XVIII в. и в XX в. включительно – это территория пограничья (подробнее см.: 7, 116-122)), это многогранное пограничье, тяготевшее на пространстве истории главным образом к

Полоцку и Вильно. С начала 1920-х гг. пространство разделилось государственными границами: всего в километре от родной деревни Шемеля отныне располагалась Латвия, немногим южнее была литовская граница, недалеко были и советские территории – чуть ближе БССР, чуть дальше РСФСР (Псковщина). Польская власть появилась здесь транзитом через «Срединную Литву» генерала Люциана Желиговского, в октябре 1920 г. якобы по собственной инициативе захватившего Вильно и Виленский край, в итоге так и не отошедшие к Литве (подробнее см.: 8).

Появившийся на свет уже при «польской власти» мальчик стал объектом интенсивного воздействия сразу нескольких польских государственных структур, одержимых воспитанием: государственной польской школы, Корпуса охраны пограничья, разместившегося в Думаришках-4 (маленьких деревень под этим названием всего семь) и ставшего, по мнению Шемеля, «форпостом просвещения и культуры» (5, 13), а также известных молодежных организаций – Стрелецкого союза (готовившего юное поколение к защите польской родины) и Союза сельской молодежи «Сев», проводившего в 1930-е гг. вместе со стрельцами и католическими молодежными организациями масштабную акцию «сельскохозяйственной подготовки» (6, 108-110). Альтернативных официальным структурам II Речи Посполитой влияний при формировании личности ребенка не замечалось: за границы не пускали (только в годы Второй мировой войны Шемель с матерью посетит родственников в ближних латвийских окрестностях), компартия Западной Беларуси в этих насыщенных пограничной стражей местах, похоже, активную работу вести не рисковала, хотя среди односельчан мемуарист с непременным возмущением находил сторонников советской власти (таков например, Васька Голуб – «темный московский фанатик» (5, 27)). Власть в лице пограничников была даже ближе, чем ближайший костел в Плюсах, до которого летом нужно было добираться 10 километров.

Примечательно, что свое прошлое до августа 1939 г. Шемель вспоминает крайне неохотно: его ранней биографии посвящены четыре страницы в предисловии и несколько вставок в основном тексте. Причина проста и понятна: жизнь семьи при независимой Польше была в точности такой, как ее описывали еще сталинские пропагандисты: «после Первой мировой войны было исключительно тяжело. Было голодно и холодно. Две старшие сестры умерли от скарлатины, старший брат перенес страшную болезнь – черную оспу, а я – английскую болезнь, или рахит. Вылечили меня солнце и одна бутылка рыбьего жира. Но я не вышел ростом и не мог похвастаться силой, которой обладали мои ровесники» (5, 14). Отметим романтичность повествования Шемеля: наверняка и голод в озерной и лесной Браславщине переносился несколько легче, а уж отчего посреди сплошных лесов было «холодно», дать внятного ответа невозможно.

Семья же и вправду была, мягко говоря, небогатой. Отец автора, Наполеон Шемель, был младшим из сыновей местного лесника Винцентия, служившего сорок лет и занимавшегося организацией охоты для окрестной элиты с графом Плятером во главе. Дед же Наполеона и прадед мемуариста, Петр Шемель, был человеком богатым: «В первой половине XIX века прибыл из Курляндии и в Думаришках купил около 80 га земли, на которой выстроил большой по деревенским меркам дом с настоящим полом и печной трубой» (5, 14). Большое потомство Петра и Винцентия привело к многочисленным разделам и обеднению семьи, а отцу нашего героя как младшему сыну выпала самая незавидная участь – упоминания «настоящего пола и печной трубы» из кирпича, по-видимому, не случайны, и семье Наполеона Шемеля, не исключено, приходилось какое-то время обходиться и без этого.

О своем социальном происхождении (в отличие от этнического) Александр Наполеонович упоминает глухо и сбивчиво – надо полагать, в семье перемешались потомки мелкой шляхты (и явно той, что после восстания 1830-1831 гг. десятилетиями, подобно предкам известного историка-полониста И.И. Костюшко, вынуждена была

доказывать свое дворянство, причем очень часто безуспешно (подробнее см.: 9, 11-21)) и местного крестьянства. Шемель столь же глухо упоминает и о весьма отдаленном родстве с самим Пилсудским – для романтика это, впрочем, вполне естественно.

Этничность же свою автор подчеркивает постоянно, к месту и не к месту, доказывая читателю, что он, процентов 80 его односельчан и окрестных жителей – поляки, самые настоящие поляки, самые лучшие из поляков. Сбивчивый текст предисловия убеждает нас в том, что в родных местах Шемеля помимо поляков-автохтонов обитали самые различные народы: евреи (автор, явно не читавший Сергея Довлатова, разделяет его удивление на предмет «евреев-крестьян, которых было много в гмине Плюсы» (5, 11), но к филосемитам точно не относится), русские старообрядцы (они не лучше евреев, Шемель их считал «московскими шовинистами, конокрадами, людьми плохими, коварными, темными и фанатично ненавидящими поляков» (5, 31)), литовцы, латыши (они «не относились к полякам враждебно, но немного нами помыкали» (5, 12); «в местечке Видзах жило немного татар, польский патриотизм которых не подлежал никаким сомнениям» (5, 12).

Нет здесь только одного народа – реальных автохтонов белорусов, язык белорусский либо его «разновидность» на селе присутствуют, а самих – нет. Есть нечто другое, удивительно созвучное с официальной идеологией «санации» по белорусской проблеме: «Люди рождались, жили и умирали в двуязычной среде... Двуязычное единство коренилось в каждом человеке и навязывание силой одного из этих языков встречало сопротивление» (5, 12). О сопротивлении насильственной полонизации, обычной для «восточных кресов», мемуарист не упоминает вовсе, а вот о своем недовольстве изучением белорусского языка в советской школе после сентября 1939 г. пишет неоднократно. Где-то, может, белорусы, и обитали, но «не в нашем районе». Впрочем, по-белорусски всё же говорили «на дружеских встречах», а вот на публичных увеселениях якобы уже по-польски. О том, что в школе говорить по-белорусски запрещалось, у Шемеля ни полслова. Зато громко о неудачах невесть откуда взявшихся белорусов: «Случались попытки пробуждения белорусского национального сознания, но они не имели успеха. Несколько ксендзов из монастыря отцов мариан в Друе старались внедрить в костел белорусский язык. Это встретило острое сопротивление властей. Трех ксендзов принудительно перевезли в Варшаву на Беляны, и это не сопровождалось сколько-нибудь значительным протестом со стороны населения. Деревенские бабы были разочарованы не акцией полиции, но инициативами ксендзов, которые «за советские рубли» пытаются бороться с польскостью этих земель» (5, 12).

В последнем случае мемуарист повторяет зады примитивной пропаганды польских властей, направленной на сельских жителей: авторитет ксендза в ту эпоху был все же выше авторитета полиции, а безбожная советская власть, насколько известно, до сих пор не уличена в финансовой поддержке белорусских католических энтузиастов в межвоенную эпоху – те были прямыми конкурентами западнобелорусских коммунистов в борьбе за крестьянские умы. Шемель здесь пишет заведомую неправду сознательно, врет идейно – и в это свое вранье верит, пытаясь доказать читателю, что по сей день, в XXI веке, во всех шести Думаришках живут самые настоящие поляки, хотя «забыли о них все – даже правительство возрожденной Речи Посполитой» (5, 16).

Надо полагать, что «польскость», несмотря на массовые послевоенные переселения в Польшу, в этих местах должна была сохраниться до сих пор, прежде всего на бытовом уровне. Но обнародованные данные переписи населения Беларуси 2009 г. содержат любопытные данные: поляков всего насчитывается 294 549 человек, но родным языком польский указало всего 15 854 из них и еще 1057 человек иных национальностей (данные официального сайта Белстата, см.: 10). Получается (при всех возможных статистических погрешностях), что современные белорусские поляки – это понятие в первую очередь

конфессиональное. То же свидетельствует о своих католических односельчанах другой современный мемуарист, почти ровесник Шемеля – Николай Дикевич (1924 г.р.) из деревни Дитрики под Лидой. Он вспоминает, что проблема «поляков» появилась у них не во II Речи Посполитой, а только с начала 1944 г. с появлением бойцов АК: «С появлением Армии Крайовой среди крестьян возникла подозрительность, враждебность. Католики стали поляками. В нашей местности их было значительно меньше, чем православных. Раньше католики и православные жили мирно, враждебности между ними не было» (11, 122). (Отметим, что Дикевич – мемуарист подчеркнуто независимый, критичный по отношению и к советской, и к постсоветской власти. Эти наблюдения, на наш взгляд, ближе к реальной действительности первой половины XX в.)

Но Александр Наполеонович Шемель, несмотря на бедность, малый рост и массу пристекающих отсюда комплексов, старается выдать себя за «первого парня на деревне», говорить от имени этнографически бесспорного, но безмолвствующего белорусского крестьянства. Известные основания для этого есть – мальчик был несомненно способным, учился с охотой и хорошо, запоем читал книги, неплохо рисовал. Были у него и способности к языкам – русский он освоил очень неплохо и после войны пытался со знанием его устроиться на Польское радио в Варшаве, «несуществующий» белорусский знал тоже: при описании 20 месяцев жизни «под советами» в 1939-1941 гг. находим антисоветскую частушку той поры, очень правильно воспроизведенную (в отличие от транскрипции русских текстов: автор явно выдает, какой из языков восточных славян ему родной):

Едзе Сталін на карове,
Варашылаў на быку.
Куды едзеш, чорт рагаты?
У Варшаву па муку (5, 78).

Из него легче и проще было вылепить того самого «гражданина-поляка», в котором с высокой трибуны нуждались Пилсудский, Червиньский и Енджеевич. Как и в советской действительности, в приграничной польской полосе то, чего никак не могли дать растущему молодому человеку родители, дало государство. Известны и имена «комиссаров в пыльных шлемах», склонившихся над юным Шемелем – это была молодая учительница Мария Децовская из начальной школы в Думаришках, прибывшая «на дальнее пограничье» из «коренной Польши» с целью полонизации местной ребятни, а также поручик Бусякевич и сержант Юрчик из Корпуса охраны пограничья. О них мемуарист отзывается крайне тепло.

Формы и методы патриотического воспитания не содержали в себе ничего необычного, но были для глубинки вполне себе разнообразны. Школьное обучение начиналось с забавного стишка: «-Kto ty jesteś? –Polak mały», далее добрые пограничники давали пострелять и завлекали в Стрелецкий союз, в рамках «сельскохозяйственной подготовки» отправляли на специальные курсы (среди подготовленных там инструкторов был и брат Александра Юзеф), долгими зимними вечерами читались лекции не только на тему «Как растение развивается в почве». В 1929 г., по словам мемуариста, с участием молодежи из всех Думаришек поставили патриотическую пьесу из времен Тадеуша Костюшко «Сапожник Килиньский». А в 1937 г. деревенскую молодежь вдохновляли нобелевским лауреатом Генриком Сенкевичем – устраивая «суд» в виде диспута над его известным персонажем Янкой-музыкантом, не забывали вспомнить времена, в которых жил классик: «Говорили о восстаниях, о преследованиях униатов, о Муравьеве-Вешателе. Пролетали часы, а никто не хотел уходить домой. Такой вечер заканчивался пением: «Нужно с живыми идти вперед» (5, 13).

Учительница Децовская, несомненно, была человеком творческим, пограничники обладали очень ценным по тем временам сокровищем – большой библиотекой, которая к тому же каждый год менялась, перемещаясь от одной заставы к другой. В обычной, непограничной западнобелорусской деревне, где была лишь школа, наш герой вряд ли достиг бы таких высот патриотизма и ассимиляции. Юный Шемель, у семьи которого деньги на покупку книг отсутствовали напрочь, перечитал всё и был поощрен: «За наибольшее число прочитанных книг я получил в награду книгу с дарственной надписью командира заставы» (5, 14).

Итак, первый, в родной деревне, этап «государственного воспитания» для маленького Шемеля прошел более чем успешно. Он стал образцовым юным гражданином II Речи Посполитой, готов был и встать под ружье, и учиться дальше на благо отечества.

Мария Децовская выхлопотала для любимого ученика стипендию, благодаря которой он успешно закончил 5-й и 6-й класс школы в Плюсах, а в июне 1938 г. выдержал экзамены в единственную в округе гимназию в Браславе. 15-летний Шемель был настолько рад своему успеху, что за ночь отмахал 30 км от Браслава до родной деревни. Это чистая правда, а дальше та самая скороговорка и вранье: «Месячная плата за обучение составляла немного, только 27 злотых, но 100 злотых получаемой за целый год стипендии едва покрывало часть оплаты за учебу. Дирекция однако махнула на это рукой, и я учился бесплатно. Должен признаться, что никогда не чувствовал никакой дискриминации со стороны более богатых соучеников. Все мы были равны, ибо так нас воспитывала предвоенная школа. Подвозимая до школы на автомобиле княжна Мирская была у нас никем иным, кроме как подружкой Марыськой» (5, 14-15).

Романтическая картина классового мира в иных местах мемуаров предстает несколько мрачнее. Учиться и жить в 30 км от дома Александру было явно тяжело, и в этом плане приход советской власти в сентябре 1939 г. давал ему неплохой шанс, но в начале 1940-го старший брат забрал нашего героя из браславской школы, хотя новый директор Антонов и обещал ему материальную помощь (5, 61). Родителям требовались рабочие руки, денег на жизнь в новоявленном райцентре не было, и особых упреков в адрес советской власти за то, что та не дала ему получить образование, в тексте мы не находим, хотя Сталина и его режим Шемель задним числом костерит едва ли не на каждой странице. «Учеба в то время была моей наивысшей целью, к которой я стремился несколько лет и о которой я больше всего мечтал» (5, 61).

Мечты Александра Наполеоновича разбились о суровую реальность жизни – в романтическом остатке оказались воспитание уже несуществующего государства, внушенная им идеология, сочлененная с юношеской романтикой. Остались и внушенные санационной педагогикой дисциплинированность и лояльность: Шемель неплохо научился «колебаться вместе с генеральной линией». Продержись советская власть дольше отведенных ей перед войной 20 месяцев, наш герой наверняка бы попытался сделать карьеру как человек из низов и почти наверняка как белорус. Неплохо он чувствовал себя и при гитлеровцах, будучи канцеляристом в управе в Плюсах. Оказавшись после войны в ПНР, не сразу, но сделал карьеру на службе новой власти, получив диплом юриста в Варшавском университете и работая на относительно престижных чиновничьих должностях в энергетическом ведомстве и варшавских городских властях. Забавно, что мемуарист и сегодня, несмотря на весь свой антисоветский пыл, гордится тем, например, что в 1972 г. отвечал за прием самого министра энергетики СССР П.С. Непорожного. В современной Польше пенсионер Шемель перестроился в который раз...

А вот со «способностью к жертвенности и героизму», несмотря на то, что большая часть мемуаров написана с целью описания пребывания автора в 1944 г. в 23-й Браславской бригаде Армии Крайовой, далеко не все гладко. Жертвенности и тем более

героизма на поверку там было гораздо меньше, чем упомянутого выше эфемерного, но ценного качества – «умения правильно оценивать реальность». Когда с появлением Красной армии в окрестностях Вильно, которые Шемель с товарищами шли освобождать, романтическая мечта в очередной раз рухнула (другие современники событий рисуют совсем не романтичный образ АК в Западной Беларуси – с бессмысленной жестокостью в отношении местных крестьян вплоть до убийств мирных жителей, см: 11, 120-122), мемуарист в июле 1944 г. не отправился на фронт, хотя уговаривали его весьма настойчиво. В тексте звучит даже упрек «неправильным» полякам из Центральной Польши, которые двинулись дальше на запад.

Выставляя себя сегодня несчастной жертвой сталинского режима, который «ни с того ни с сего» отправил его в 361-й запасной полк валить лес в мещерские леса и обрек на «изматывающий труд, голод, физическое и моральное издевательство» (5, 17), автор скромно забыл о том, что переживали в конце 1944 – начале 1945 г. на фронте, в том числе и поляки из Армии Людовой... И положение в 361-м запасном полку было не хуже, чем в описанной в воспоминаниях старейшего российского историка Н.И. Павленко части, дислоцированной в годы войны в Забайкалье: «По-иному складывалась судьба рядовых и офицеров 105-й пехотной дивизии, располагавшейся в казармах по другую сторону железной дороги. На нашей стороне имелось кладбище, которое окрестили 106-й дивизией – весной 1943 года отсюда ежедневно шествовали две-три траурных процессии с оркестрами: хоронили умерших от дистрофии солдат-пехотинцев. Говорили, что дистрофиков погибло несколько сотен – в конце концов из Москвы прибыла специальная комиссия, укомплектованная генералами-пехотинцами и медиками высокого ранга» (подробнее см.: 12, 14). И не был 361-й полк «каторгой» специально для несогласных с советской властью поляков с «кресов». Более того, Шемель (поначалу, вероятно, неосознанно) выбрал линию поведения, дававшую ему больше шансов выжить в 1944-м: не уйди он в леса с Армией Крайовой, был бы призван в Красную армию на обычных условиях.

Другое дело, что путь в родные места после войны уроженец Думаришек-6 счел для себя заказанным: служба в гитлеровской управе и вправду могла аукнуться. Но в ПНР способный молодой человек даже теоретически не мог сделать той карьеры, которую позволяли себе его ровесники в БССР. Зато в наши дни энергичный пенсионер постарался отыграться и «вспомнить всё», попутно доказав, что санационная политика «государственного воспитания» и этнической ассимиляции на западнобелорусских землях приносила не одни только неудачи...

1. Борисёнок Ю.А. Изменения границ на пространстве бывшей Российской империи в 1939-1940 гг.: тенденции и исключения // Июнь 1940-го: Бессарабия и Северная Буковина в составе СССР. – М., 2010.
2. Беларусізацыя. 1920-я гады. – Мінск, 2001.
3. Борисёнок Ю.А., Шемякин А.Л. Долой пиджачников! Как товарищ Сталин выучил белорусов их собственному языку на сербский манер // Родина. – 2008. – № 1.
4. Борисёнок Ю.А. Наш ответ Пилсудскому. Советская белорусизация как реванш за чудо на Висле // Союзное государство. – 2008. – № 3.
5. Szemel A. Wspomnienia kresowiaka z lat wojny. Wierni choć zapomniani. –Warszawa, 2004.
6. Кривуть В.И. Молодежная политика польских властей на территории Западной Беларуси (1926-1939 гг.). – Минск, 2009.
7. Борисёнок Ю.А. Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Вопросы истории. – 2003. – №3.
8. Fabisz D. Generał Lucjan Żeligowski. 1865-1947. – Warszawa, 2007.

9. Борисёнок Ю.А. 60 лет в строю, или Патриарх славяноведения. Штрихи к портрету Ивана Ивановича Костюшко // *Studia Slavica-Polonica* (К 90-летию И.И. Костюшко). – М., 2009.
10. <http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009>.
11. Дзікевіч М. Дзітрыкі. Згукі заснуўшай цывілізацыі. – Масква, 2010.
12. Павленко Н.И. Воспоминания историка // *Родина*. – 2010. – № 1.